
Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 87—97.

Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 87—97.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.7

К ПОРТРЕТУ АПОЛЛИНАРИИ СУСЛОВОЙ: СМЕЩЕНИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Николай Венальевич Капустин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru

Аннотация. Аполлинария Сулова известна прежде всего как самое сильное увлечение Ф. М. Достоевского и как прототип его героинь. Достаточно много написано и о ее сложных отношениях с В. В. Розановым. Но личность Суловой интересна не только в соотнесенности ее судьбы с судьбами двух гениев русской литературы. По мнению А. С. Долинина, по сути первого биографа Суловой, она принадлежит к «типичнейшим представительницам своего времени». С тех пор, с 1920-х гг., мнение о ней как шестидесятнице прочно вошло в научный и читательский обиход. Однако сохранившийся дневник и письма Суловой 1860-х гг., ее отношения с современниками, наконец тот факт, что она стала прототипом героинь Достоевского, никак не ассоциирующихся с шестидесятницами, серьезно осложняют этот бесспорный, казалось бы, вывод. В статье показано, что Сулова, действительно связанная с движением шестидесятников, являясь носителем ряда характерных для русской интеллигенции тех лет представлений о жизни, вместе с тем не столько типическая, сколько уникальная фигура в общественной атмосфере того времени. Мировоззрение, изломы характера, высочайшая степень рефлексии, как правило не свойственная разночинцам, — все это заметно выделяет ее на фоне «новых людей», появившихся в 1860-х гг.

Ключевые слова: А. П. Сулова, разночинцы-шестидесятники, нигилизм, любовь, брак, рефлексия

Для цитирования: Капустин Н. В. К портрету Аполлинарии Суловой: смещение точки зрения // *Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 87—97.*

Original article

TO THE PORTRAIT OF APOLLINARIIA SUSLOVA: CHANGING THE PERCEPTION

Nikolay V. Kapustin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nkapustin@mail.ru

Abstract. Apollinariia Suslova is mostly famous as the strongest passion of Fyodor Dostoevsky as well as the prototype of his female literary characters. She is also known for her difficult relations with her husband Vasilii V. Rozanov. But the personality of Suslova is interesting not only because of her connection with two geniuses of the Russian literary world. Arkadiy S. Dolinin, Suslov's first biographer, called her "the most typical representative of her time". Since then, from the 1920s, Apollinariia was associated by the critics and readers with a certain type of women in the 1860s ("shestidesyatnitsi" — "women of the 1860s"). However, Suslova's diary and letters of the 1860s, her relations with the contemporaries, and at last, the fact that she served as a prototype of Dostoevsky's literary characters (who are in no way similar to the people of the 1860s) make Dolinin's statement debatable. The author of the given article agrees, on the one hand, that Apollinariia Suslova shared the views typical for Russian intelligentsia of the 1860s. On the other hand, she was more of a unique figure in the social atmosphere of that time. Her worldview, extremes of character, very strong reflection (as a rule not typical for raznochintsi) — all that distinguishes Apollinariia Suslova among the "new people" of the 1860s.

Key words: Apollinariia P. Suslova, raznochintsi of the 1860s, nihilism, love, marriage, reflection

For citation: Kapustin, N. V. (2022) К портрету Аполлинии Суловой: смешение точки зрения [To the portrait of Apollinariia Suslova: changing the perception], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 87—97.

Имя Аполлинии Прокофьевны Суловой обычно называется рядом с именем Ф. М. Достоевского, самой страстной любовью и прототипом героинь которого (начиная с романа «Игрок» и кончая «Братьями Карамазовыми») она являлась. Биографами, разумеется, не забыто и то, что позже Аполлиния была женой В. В. Розанова, другой знаковой фигуры русской культуры, отношения с которым, как, впрочем, и с Достоевским, полны острого драматизма и сложности. Но личность Суловой интересна не только в соотнесенности ее судьбы с судьбами двух гениев русской литературы.

Принадлежа к разночинной интеллигенции, Сулова «много и глубоко жила: жизнью в высшей степени напряженной, тело и душу свою несла на заклятие чарующему идеалу свободной творческой личности» [Долинин, 1992: 6]; «обладала тем беспокойным активным мироощущением, которое настойчиво требовало действительного участия в создании новых форм жизни» [там же: 9]. Именно поэтому А. С. Долинин был склонен считать ее «одной из типичнейших представительниц своего времени» [там же: 6]. С тех пор представление о ней как шестидесятнице прочно вошло в научный и читательский обиход. Однако

дневник и особенно опубликованные Л. И. Сараскиной письма Сусловой к Е. А. Салиас (Евгений Тур) [Сараскина, 1994], ее отношения с современниками, наконец тот факт, что она стала прототипом героинь Достоевского, никак не ассоциирующихся с шестидесятницами, серьезно осложняют этот бесспорный, казалось бы, вывод. Действительно связанная с движением шестидесятников, являясь носителем ряда характерных для русской интеллигенции тех лет представлений о жизни, Сулова вместе с тем не столько типическая, сколько уникальная фигура в общественной атмосфере того времени. Мировоззрение, изломы характера, высочайшая степень рефлексии, как правило не свойственная разночинцам, — все это заметно выделяет ее на фоне «новых людей», появившихся в 1860-х гг.

В то же время нами описывается и особый случай свойственной женской среде тех лет «автономизации индивида» [Айвазова, 1995: 123] — случай, выходящий за пределы женского движения, под которым вслед за современными авторами целесообразно понимать «совокупность женских организаций, групп и объединений с фиксированным и нефиксированным членством...» [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 10]. Здесь же, вероятно, будет нелишним заметить, что статья принадлежит женской, а не гендерной истории (о различиях этих подходов см.: [Пушкарева, 2010]).

Наиболее наглядный пример своеобразия взглядов Сусловой — ее отношение к нигилизму, одному из самых характерных явлений середины XIX в.

Выяснено, что в сентябре 1865 г. за Аполлинарией и ее братом Василием был установлен негласный надзор за принадлежность к «партии нигилистов», а в июне 1866 г. в Лебедяни, куда она приехала навестить брата, у них был произведен обыск. Имеющиеся у Аполлинарии бумаги, тетради с адресами знакомых и все письма были отобраны. Комментируя это, Л. И. Сараскина пишет, что «самым обидным, наверное, была для нее не потеря рукописей и дорогих ей писем. Если бы она была уверена, что пострадала за убеждения, все было бы проще. Но прежних убеждений не было. Ее шестидесятнический нигилизм, значительно смягчившийся за границей, в России вскоре обернулся почти полной своей противоположностью» [Сараскина, 1994: 278]. Столь кратко сформулированный тезис, достаточный, впрочем, для Л. И. Сараскиной, в полифонической монографии которой обильно цитируются дневник и письма Сусловой, в нашем случае нуждается в более обстоятельном изложении.

Дистанцированность Сусловой от проявлений нигилизма, по-видимому, впервые обнаруживается в марте 1864 г. Посещавшая в то время в Париже лекции, она оставляет в дневнике характеристики других слушательниц, среди которых особенно примечательна следующая: «Есть женщины и серьезные, особенно одна — нигилистка совершенная».

Я-то веду себя хорошо, а она хлопает, топает и кричит “браво”, и одета дурно; приходит одна, но на нее никто не обращает внимания, потому что немолода. Всем кажется естественным, что состарившаяся в ожидании судьбы дева соскучилась и от нечего делать ударилась в науки» [Сулова, 1991: 80—81]. Дистанцированность очевидна и при описании состоявшейся в апреле 1864 г. встречи с оппозиционно настроенной А. Н. Якоби, тогда еще не столь знаменитой,

как впоследствии, но уже достаточно известной: «... скоро пришла хорошенькая женщина. Я догадалась, что это Якоби. Мы разговорились. Она либеральничала, пускала мне пыль в глаза фразами очень неудачно. <...> ... Я, наконец, сказала ей, что знаю эту фамилию (Якоби. — *Н. К.*), при этом я не могла удержаться от улыбки... <...> Мне было ужасно грустно смотреть на этих “ликующих”, “праздно болтающих”» [там же: 85]. Последняя характеристика с цитацией Некрасовского «Рыцаря на час» в данном контексте (речь идет о Якоби и Марко Вовчок) неоправданно резка, но это в духе Аполлинарии, по словам Достоевского, требующей «от людей всего, всех совершенств» и не прощающей «ни единого несовершенства» [Сараскина, 1994: 242].

Таковы дневниковые записи, проводящие заметную границу между Сусловой и нигилизмом. Однако наиболее отчетливо эта граница видна в ее письмах к графине Е. А. Салиас. В одном из них, от 12 июня 1865 г., содержится вполне определенная информация: «Не самый Цюрих и не Швейцария, а российский нигилизм выживает меня из Цюриха. Еще можно было бы согласиться выносить это российское произведение у себя дома, а то за границей... перед чужими людьми. Нет, это слишком тяжело, уверяю Вас.

Вы, Графиня, иногда попрекали меня нигилизмом и коммунистами, но уверяю Вас, что “я с ними не служила”. Ибо эта служба, как и всякая другая, казенная служба с бесчисленными обрядами. Но я вдвойне виновата, что, не зная всех таинств нигилистического ордена, стояла за его служителей перед Вами...» [там же: 248].

Признавая близость к «служителям нигилизма» в прошлом, что, впрочем, противоречиво сочетается с неточной цитатой из «Горя от ума» («я с ними не служила»), Сусллова недвусмысленно говорит о своих расхождениях с нигилизмом. И эти разногласия — не результат кратковременного эмоционального состояния, а выношенное, устойчивое убеждение, что видно из других писем к Е. А. Салиас, отправленных уже из России.

Показательно, например, описание поведения петербургских нигилисток: «На улицах встречаются барышни в мужских шляпах, надетых набок, с дерзкими физиономиями, короткими волосами, торчащими щетиной. Эти барышни (я с некоторыми встречалась по делу) необыкновенно развязны в обращении и с первой встречи говорят вам: голубчик, душенька и пр.» [там же: 267]. Столь же отрицательное отношение к проявлениям нигилизма содержит и письмо к Е. А. Салиас от 14 декабря 1865 г., посланное из провинциального Иванова: «Здесь есть и такие дамы, что рассуждают насчет прогресса, эмансипации женщин и прочих высоких вещей не хуже питерских нигилисток, жизнь свою коверкают наподобие “Подводного камня” (роман М. В. Авдеева. — *Н. К.*) и других новейших сочинений...» [там же: 273—274]. В письме от 28 марта 1866 г., посланном тому же адресату из Лебедяни, Сусллова проводит еще более глубокую границу, отделяющую ее от нигилизма: «... а мне говорить и делиться мыслями захочешь, но не с кем, с нигилистами я слишком расхожусь, да из тех мало встречается таких, которые чему-нибудь учились бы и что-нибудь читали или знали» [там же: 281]. Симптоматично, что в этом письме говорится не только о расхождениях с братом, с которым она расходится «более, чем ожидала», но и о скуке от разговоров о проблемах, лично для себя ею уже решенных.

При этом отрицанию подвергается распространенная в русской демократической журналистике идея, согласно которой человеческая природа целиком определяется общественными отношениями: «Спор обыкновенно начинается из-за слов, если я говорю: злой человек, мне возражают, что злых людей не бывает, а причина зла — общественное устройство и пр. Словом, все то, что прежде я читывала в “Современнике”. <...> Все эти несчастные люди забили себе голову до того, что небольшой запас ума, который если был, — заглох совершенно» [там же: 281—282].

В карикатурно-ироническом виде предстают под пером Сусловой (письмо к Е. А. Салиас от 24 сентября 1866 г.) и вырастающие на нигилистической почве студенческие идеи создания колоний. Ирония особенно ощутима при описании «отношений» между мужчинами и женщинами: «Теперь рассуждалось: каким образом устроить любовные дела? (Половые отношения, как говорят они, ибо слова: брак и любовь — между ними, всеми нигилистами вообще, — не существуют, все заменяется отношениями, на словах и на деле.) Решено было взять каждому по женщине, которая могла бы работать вместе с мужчинами полевые работы <...> Но когда подумали, что через год народонаселение может увеличиться на двадцать человек и работы двадцати женщин прекратятся, — задумались, но не подумайте, что смутились и упали духом, — нисколько. После разных вычетов и соображений решили ограничить количество женщин: приходилось взять одну женщину, и такая женщина, которая решилась пожертвовать собой для пользы общей, нашлась» [там же: 290—291].

Резко отрицательную характеристику получают нигилисты и в письме к Е. А. Салиас от 14 декабря 1866 г.: «Эти господа, оставшиеся на свободе нигилисты, лгут и сочиняют факты довольно бесцеремонно, и все сходит с рук. <...> Вы знаете, Графиня, теперь “Современник” уж отсталый журнал, нигилисты говорят, что он идеальничает... Нигилисты читают “Русское слово”, а больше ничего не читают, ибо всего “не перечитаешь”» [там же: 294—295]. Задев мимоходом сформулированный в романе Чернышевского «Что делать?» принцип «экономии умственных сил» («всего “не перечитаешь”»), основной критический акцент Сулова переносит на журнал «Русское слово»: «Я не читала русских журналов, кроме газет, особенно “Русского слова” не думала читать, потому что слышала о его безобразии в Петербурге от умеренных нигилистов, которые еще держатся “Современника”. Но, видя его необыкновенный успех и спрашивая суждения его поклонников, решилась посмотреть, что за журнал, и увидела очень скоро. Эх, Графиня, что это за безобразие! Попадается ли Вам когда-нибудь “Русское слово”? Прочтите для курьезу. Ведь четырнадцатилетние гимназисты разве могут так рассуждать, как там рассуждают о Пушкине и Белинском» [там же: 295].

Таким образом, если и можно говорить о нигилизме Сусловой, то лишь применительно к более раннему этапу ее биографии. Вероятнее всего, это тот отрезок времени, который приходится на начало 1860-х гг. и продолжается до весны 1864 г., когда возникает уже отмеченная нами ранее дистанцированность от проявлений нигилизма. Она усилится после знакомства с Е. А. Салиас (апрель 1864 г.), хотя в письме к ней от 12 июня 1865 г. Сулова признает свою вину

в том, что и после знакомства она некоторое время, «не зная всех таинств нигилистического ордена, стояла за его служителей...» [там же: 248].

Но, говоря о нигилизме Сусловой начала 1860-х гг., нужно отделять вымысел от реальных фактов. Так, ни в коей мере нельзя доверять в высшей степени пристрастной Л. Ф. Достоевской (дочери писателя), говорившей о том, что Аполлинария «...принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, била лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, студенты с триумфом несли ее на руках как жертву “ненавистного царизма”» [Достоевская, 1992: 86]. Не менее пристрастен пассаж Л. Ф. Достоевской, касающийся любовных увлечений Аполлинарии: «Тогда в моду вошла свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно следовала веянию времени, служа Венере, переходила от одного студента к другому и полагала, что служит европейской цивилизации» [там же]. Между тем, как свидетельствуют дневник и письма Сусловой, она далека от таких «свободных» отношений, как далека и от других свойственных 60-м гг. XIX в. решений проблем любви, семьи и брака.

По-своему показательно, что в ее размышлениях об этих вопросах мы не находим воздействия романа Чернышевского «Что делать?» (по словам М. Н. Каткова, «Корана нигилизма»), оказавшего, как известно, громадное влияние на современников. Иным оказывается у Сусловой и сам процесс принятия решений. По наблюдениям Т. А. Богданович, шестидесятники «поступали согласно своим идеям и убеждениям без малейшего насилия над собой, почти инстинктивно, и это даже в тех областях, куда идеи и теории имеют вообще слабый доступ. Они были рационалистами, но, так сказать, “непосредственными рационалистами”, разум как бы исполнял у них функцию чувства» [Богданович, 1929: 13]. Иначе у Сусловой, у которой разум и чувство вступают в более сложные, противоречивые отношения друг с другом и победу, как правило, одерживает чувство.

Вот, казалось бы, характерное для шестидесятницы размышление от 24 ноября 1863 г.: «...любовь и самолюбие могут быть, но смешно их обрабатывать, когда у нас так много дела, дела необходимого... куда нам такая роскошь, когда мы нуждаемся в хлебе, умираем с голода, а если едим, то должны защищать эти права миллионами солдат и жандармов и прочая» [Сулова, 1991: 71]. Итогом размышления оказывается приоритет общественного над личным, однако третируемые «любовь и самолюбие», которые «смешно обрабатывать» (культивировать), вопреки своему же утверждению Аполлинария вдруг выносит на первый план, вспоминая об оставившем ее Сальвадоре. Ср.: «С некоторого времени я опять начинаю думать о Сальвадоре. Я была довольно спокойна, хорошо занималась, но вдруг иногда я припоминала оскорбление, и чувство негодования подымалось во мне. Теперь как-то особенно часто я об нем вспоминаю, и убеждение, что я осталась в долгу, не выходит у меня из головы. Я не знаю, чем и как заплачу я этот долг, только знаю, что заплачу наверное или погибну с тоски» [там же: 77]. «Обработка» самолюбия достигает тех пределов, когда не разум, а «внутреннее чувство» начинает подсказывать единственное, по мнению Аполлинарии, правильное решение: «Знаю, что пока

существует этот дом, где я была оскорблена, эта улица, пока этот человек пользуется уважением, любовью, счастьем — я не могу быть покойна; внутреннее чувство говорит мне, что нельзя оставить это безнаказанно» [там же]. В итоге приходит окончательное решение, характер которого живо напоминает не о мировоззрении эмансипированной шестидесятницы, а об изломах героинь Достоевского: «Я не хочу его убить, потому что это слишком мало. Я отравлю его медленным ядом. Я отниму у него радости, я его унижу» [там же].

О том, что чувство, а не разум диктует свои условия, свидетельствует и другая дневниковая запись о встрече с Сальвадором: «...после этого я целый день взволнованна. Мне было досадно на себя за это волнение. Неужели я его забуду? И я приходила в отчаяние» [там же: 92]. И вновь не разумом, а оскорбленным чувством определяется здесь упрек Достоевскому, которому ставится в вину характер интимных отношений: «Мне говорят о Ф[едоре] М[ихайловиче]. Я его просто ненавижу. <...> Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви, потому что ласка мужчин (так у Сусловой. — Н. К.) будет напоминать мне оскорбления и страдания» [там же: 92—93].

Из дневника и писем Сусловой явствует, что она отнюдь не сторонница «свободной любви» (это, в частности, видно из дневниковой записи от 17 сентября 1865 г., воспроизводящей ее объяснение с П. С. Усовым), что она последовательно различает «любовь» и «отношения» (ср. в черновике письма Достоевскому: «...за любовь свою никогда не краснела: она была красива, даже грандиозна. Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения» [там же: 170]) и немало думает о том, на какой основе должен строиться брак. При этом, в отличие от шестидесятников, ответы на подобные вопросы у которых были, как правило, однозначными, Сулова их проблематизирует. Показательна, в частности, дневниковая запись от 6 мая 1865 г.: «Вчера был Gault и у нас с ним был сантиментальный разговор: о любви, браке и пр. <...> Несколько назад он мне говорил, что брак хоть и полезное учреждение, но для некоторых людей, особенно тех, которые свободы вкусили — не годится... тому, кто живет своим умственным трудом, хочет многое видеть и знать, нельзя себя связывать. <...> “Занимайтесь литературой, окружите себя дельными людьми и только”».

Я с ним согласилась. А на другой день мне говорил мой учитель, обожающий свою молодую жену и ребенка, что в любви только и есть счастье. <...> Кого же слушать?» [там же: 122]. Способность ощущать проблемность там, где ее не чувствовали другие, заметно выделяет Сулову на общем разночинском фоне.

Но отличает ее не только это. Еще А. С. Долинин, говоря о беллетристике Сусловой, подметил, что в хоре голосов публицистов и писателей, обратившихся к теме женской эмансипации, «звучит и ее несильный голос. И — заметим сейчас же эту особенность — звучит как-то исключительно заунывно, без тени того молодого задора, который, независимо от темы или сюжета, все же чувствовался у большинства переживавших эту раннюю весну русской гражданственности начала 60-х годов» [Долинин, 1991: 172]. Не менее заметны и отличающие Сулову на общем фоне мотивы скуки, тоски, бесцельности существования, которые часто встречаются на страницах ее дневника и писем. А. С. Долинин связывал это настроение с 1864 г., однако оно проявляется раньше.

Характерные переживания встречаются уже в 1863 г. Показательно, в частности, признание в посланном 11 апреля из Парижа письме Я. П. Полонскому, содержащее предощущение скуки: «Если вздумаете писать мне, я буду очень рада, тем более что, кажется, скоро начну очень скучать» [Сараскина, 1994: 89]. Здесь же косвенно указывается и причина возможной скуки, связанная не только с переездом из России во Францию: «Если общий смысл жизни не дается (здесь и далее курсив мой. — Н. К.), так что по пути к его пониманию встречается бездна сомнений, нужно брать то, в чем уверен» [там же: 90]. Мотив скуки обнаруживается и в письме к Полонскому от 19 июля 1863 г.: «Собственно, моя жизнь устроилась довольно скучно: занятия и встречи одни и те же каждый день...» [там же: 91], «Я только что начинаю скучать и все собираюсь куда-нибудь ехать, хоть на неделю...» [там же]. В этом контексте примечательна и сделанная в 1863 г. дневниковая запись: «Сегодня я много думала и осталась почти довольна, что Сальвадор меня мало любит; я более свободна. У меня явилось желание видеть Европу и Америку, съездить в Лондон посоветоваться и после поступить в секту бегунов» (одно из направлений старообрядчества, выражавшее протест в форме бегства от мира) [Сулова, 1991: 49]. Мысль о встрече с А. И. Герценом и его советах (то, что имеется в виду под поездкой в Лондон) противоречиво соединяется с желанием «поступить в секту бегунов». Это объясняется тем, что жизненная позиция не выработана, что формируется она в мучительных колебаниях. Не вполне точно цитируемые далее Суловой строки [там же] из стихотворения Н. П. Огарева «Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много...» проясняют ее состояние:

Чего хочу?.. О как желаний много!
Как к выходу их силам нужен путь!
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.

В том же ряду дневниковая запись от 24 ноября 1863 г.: «Ненавижу Париж и не могу оторваться от него. Может быть, потому, что этот город действительно имеет что-то для тех, у кого нет определенного места и цели. Желание видеть Америку не покидает меня...» [там же: 72]. В этом контексте становится понятным и мотив тоски, соединенный с мотивом дороги, оформляемым при помощи некрасовского «Рыцаря на час»: «Глубокая тоска схватила мое сердце, я стала громко читать: “Выводи на дорогу тернистую” и т. д. — так, как читают молитву от наваждения бесов. Мне стало легче» [там же: 70].

В 1864-м и в более поздние годы подобные настроения не ослабевают: «Скука одолевает до последней крайности. <...> Ни английские глаголы, ни испанские переводы — ничто не помогает заглушить чувство тоски» [там же: 81]. Ср.: «...ужасная тоска и безнадежность давит меня» [Сараскина, 1994: 297]; «В Иванове мне ужасная скука...» [там же: 313] и др. Наряду с прежними начинают фиксироваться мысли, которые, хотя и возникали раньше, но выхода в текст не имели: «Теперь я всего более занята делами сестры, относительно ее образования. <...> А то я начала уже возвращаться к моему убеждению, что жить незачем...» [там же: 170]. Ср.: «...я нахожу жизнь так грубой и так печальной, что я с трудом ее выношу. Боже мой, неужели так будет всегда!

И стоило ли родиться!» [Суслова, 1991: 129]. Спасительным началом, по собственному признанию Аполлинару, была для нее графиня Е. А. Салиас, которая, хотя и находилась под надзором полиции, занимала особую, далекую от радикальных шестидесятников позицию. В письме от 6 сентября 1866 г. Суслова признается ей: «Если в припадке сумасшедшей грусти или отчаяния, на которое так склонны несчастные современные люди, я не бросаюсь в какой-нибудь омут, то это потому, что я Вас люблю и уважаю» [Сараскина, 1994: 289]. Интересно, что в некоторых письмах Сусловой не без влияния Е. А. Салиас появляются религиозные мотивы. Они не были устойчивы, однако в какие-то трудные моменты обращение к Богу помогало Аполлинару найти успокоение: «Если б Вы были близко, то просила бы Вас перекрестить меня, но образок Ваш со мной, я с ним не расстаюсь и часто на него смотрю» [там же].

Таким образом, недовольство окружающим, мотивы скуки, тоски, беспечности существования, мысли о смерти как избавлении от владеющего ею часто отчаяния многократно повторяются как в дневнике, так и в письмах Сусловой. Эти проблемы хорошо знакомы и персонажам ее прозы, которая, как зачастую бывает у писателей ее масштаба дарования, во многом имела автобиографическую основу.

Как известно, в 1868 г. в селе Иваново Суслова откроет школу (пансион) для девочек и, кажется, отыщет занятие в духе просветительских 60-х гг. Однако это начинание в контексте ее судьбы стоит, кажется, расценить не как наконец найденную, замкнутую на себе цель, но скорее как средство преодоления тяжелого, усталого от рефлексии и тягот бездеятельности умонастроения. В письме к Е. А. Салиас от 22 января 1869 г. она без особого энтузиазма напишет: «Утешаюсь тем, по крайней мере, что тружусь не даром; в настоящее время у меня 14 учениц и есть надежда на большее количество» [там же: 317].

Невольно встает вопрос о причинах такого умонастроения. Ответ на него сложен и должен выстраиваться с учетом целого ряда факторов. Однако можно сказать, что это связано не только с особенностями самоопределения в демократическом движении 1860-х гг., в результате чего Суслова меняет свое раннее отношение к нигилистам или иронична по отношению к эмигрантской среде, с которой судьба сводила ее во Франции (см. об этом: [Долинин, 1991: 32]). Один из главных моментов тревожной рефлексии Сусловой — свойства ее психологической организации, необыкновенно острая реакция как на личные, так и на общественные обстоятельства. На страницах ее дневника не раз будет заходить речь о «нервах», пролитых слезах, и тут не без некоторого удивления нужно заметить, что «раскольница поморского согласия», «хлыстовская богородица», «Екатерина Медичи» (характеристики Сусловой, принадлежащие В. В. Розанову), «черт в юбке» (так назвал ее философ В. А. Тернавцев) вдруг скажет о себе: «Когда он [К. И. Бенни] ушел, я плакала. Бедное сердце! Не выносит грубых прикосновений» [Суслова, 1991: 97]. Ср. также с ее признанием, сделанным Достоевскому: «Я никогда не была счастлива. Все люди, которые меня любили, заставляли меня страдать, даже мой отец и моя мать» [там же: 52].

В свое время С. Д. Дурьлин, во многом под влиянием В. В. Розанова, резко противопоставил Суслову розановскому идеалу женщины: «Вместо греющего добрую плоть нежной семейственности “Бога Авраама, Исаака и Иакова”

оказалось озлобленное безбожие шестидесятницы с постелью “принципиально” бездетной; вместо возлюбленной и нежной — озлобленная, умная, как бес, и злая, как бес, полунигилистка, полу-Настасья Филипповна (из “Идиота”), кому-то и чему-то непрерывно мстящая...» [Дурылин, 1992: 47]. Однако беспристрастное прочтение дневника и писем Суловой существенно усложняет этот ставший привычным образ.

Список источников

- Айвазова С. Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 121—130.
- Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.
- Долинин А. С. Достоевский и Сулова // Ф. М. Достоевский: статьи и материалы. М.; Л.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 151—258.
- Долинин А. С. [Вступительная статья] // Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: дневник — повесть — письма. М.: РУССЛИТ, 1991. 192 с. Репринт. изд. 1928 г.
- Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 246 с.
- Дурылин С. Н. В. В. Розанов / публ. В. А. Десятникова // Начала. 1992. № 3. С. 45—51.
- Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51—64.
- Сараскина Л. Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М.: Согласие, 1994. 456 с.
- Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: дневник — повесть — письма. М.: РУССЛИТ, 1991. 192 с. Репринт. изд. 1928 г.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.

References

- Aivazova, S. G. (1995) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: traditsii i sovremennost' [Women's movement in Russia: traditions and modern time], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 121—130.
- Bogdanovich, T. A. (1929) *Liubov' liudei shestidesiatykh godov* [Love in the 1860s], Leningrad: Akademia.
- Dolinin, A. S. (1924) Dostoevskii i Suslova [Dostoevsky and Suslova], in: *F. M. Dostoevskii: Stat'i i materialy*, vol. 2, Moscow, Leningrad: Mysl', pp. 151—258.
- Dolinin, A. S. (1991) Vstupitel'naia stat'ia [Introduction], in: Suslova, A. P., *Gody blizosti s Dostoevskim: Dnevnik — povest' — pis'ma*, Moscow: RUSSLIT.
- Dostoevskaya, L. F. (1992) *Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky depicted by his daughter], St. Petersburg: Andreev i synov'ia.
- Durylin, S. N. (1992) V. V. Rozanov [V. V. Rozanov], *Nachala*, no. 3, pp. 45—51.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (second half of the XIX century — the early XX century)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy razvitiia v Rossii [Women's and gender history: results and prospects for development in Russia], *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii*, no. 2, pp. 51—64.
- Saraskina, L. (1994) *Vozliublennaia Dostoevskogo: Apollinariia Suslova*: Biografiia v dokumentakh, pis'makh, materialakh [Dostoevsky's ladylove: Apollinariia Suslova: Biography in documents, letters, materials], Moscow: Soglasie.
- Suslova, A. P. (1991) *Gody blizosti s Dostoevskim: Dnevnik — povest' — pis'ma* [Years of closeness with Dostoevsky: Diary — novel — letters], Moscow: RUSSLIT.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Капустин Николай Венадьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nkapustin@mail.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Native Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).